

РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЗБЕКИСТАНА И ПОСЛЕДСТВИЯ ИРАНСКОГО КРИЗИСА

Мехмет Эмин Текин,

Преподаватель, Университет Альфраганус,

Факультет Социальных Наук, Кафедра Международных Отношений и

Истории,

m.tekin@afu.uz,

ORCID: 0000-0001-6039-9648.

Аннотация

В данном исследовании рассматривается региональная стратегия безопасности Узбекистана в контексте иранского кризиса, прослеживается ее историческая эволюция с момента обретения независимости в 1991 году до наших дней. Занимая ключевое положение в Центральной Азии благодаря своему географическому положению, численности населения и историческому наследию, Узбекистан последовательно проводит многовекторную внешнюю политику, направленную на уравнивание противоборствующих сил России, Китая и Запада при одновременном соблюдении своего основного принципа суверенитета. В исследовании выделяются три определяющие черты подхода Узбекистана к безопасности: постоянный акцент на территориальной целостности, приоритет безопасности режима и прагматичный нейтралитет, позволяющий избежать жесткой привязки к какой-либо одной великой державе. На этом фоне иранский кризис анализируется как многомерная внешняя переменная, которая одновременно создает угрозы и возможности для Ташкента. Хотя международные санкции в отношении Ирана нарушили доступ Узбекистана к южным торговым и энергетическим коридорам, геополитическая конкуренция между великими державами за политику в отношении Ирана, как ни парадоксально, расширила

дипломатическую маневренность Узбекистана. В исследовании делается вывод, что модель безопасности Узбекистана, хотя и является устойчивой, имеет структурные уязвимости, которые могут подвергнуться серьезному испытанию в случае эскалации иранского кризиса до открытого военного конфликта. Пример Узбекистана дает ценную информацию о том, как средние государства справляются с соперничеством великих держав и региональной нестабильностью в евразийском порядке после холодной войны.

Ключевые слова: Узбекистан, иранский кризис, Центральная Азия, региональная безопасность, геополитика

UZBEKISTONNING MINTAQAVIY XAVFSIZLIK STRATEGIYASI VA ERON INQIROZI AKSLARI

Annotatsiya

Ushbu tadqiqot 1991 yildagi mustaqillikdan boshlab hozirgi kungacha bo'lgan davrdagi O'zbekistonning mintaqaviy xavfsizlik strategiyasini, uning tarixiy yo'li va Eron inqirozi tufayli yuzaga kelgan tashqi bosimlarga e'tibor qaratgan holda o'rganadi. Geografik joylashuvi, aholisi va tarixiy merosi nuqtai nazaridan Markaziy Osiyoning yuragida joylashgan O'zbekiston har qanday sharoitda suverenitetini himoya qilish intilishi bilan harakat qildi va doimiy ravishda Rossiya, Xitoy hamda G'arb o'rtasida muvozanatni saqlaydigan ko'p vektorli tashqi siyosat yuritdi. Tadqiqot O'zbekistonning xavfsizlik yondashuvining uchta asosiy xususiyatini aniqlaydi: hududiy yaxlitlikka ustuvorlik berish, rejim xavfsizligining markaziy ahamiyati va yagona yirik davlatga sodiqlikdan ehtiyotkorona tiyiladigan pragmatik neytrallik. Shu sharoitda Eron inqirozi Toshkent uchun bir vaqtning o'zida ham tahdidlar, ham imkoniyatlar yaratadigan ko'p qavatli tashqi omil sifatida tahlil qilinadi. Eronga qarshi xalqaro sanksiyalar O'zbekistonning janubiy savdo va energetika koridorlariga kirishini cheklayotgan bo'lsa-da, yirik davlatlar o'rtasidagi Eron siyosatiga oid raqobat paradoksal ravishda O'zbekistonning diplomatik manevr qilish imkoniyatlarini kengaytirdi. Tadqiqot shuni ko'rsatadiki, O'zbekistonning hozirgi

xavfsizlik modeli bardoshli bo'lsa-da, Eron inqirozi ochiq harbiy to'qnashuvga aylanadigan bo'lsa, uning tuzilma zaifliklari jiddiy sinovdan o'tishi mumkin.

Kalit so'zlar: O'zbekiston, Eron inqirozi, Markaziy Osiyo, mintaqaviy xavfsizlik, geosiyosat.

UZBEKISTAN'S REGIONAL SECURITY STRATEGY AND THE IMPLICATIONS OF THE IRAN CRISIS

Abstract

This study examines Uzbekistan's regional security strategy within the context of the Iran crisis, tracing its historical evolution from independence in 1991 to the present day. Occupying a pivotal position in Central Asia due to its geography, population, and historical legacy, Uzbekistan has consistently pursued a multi-vector foreign policy that seeks to balance competing pressures from Russia, China, and the West while safeguarding its core principle of sovereignty. The study identifies three defining features of Uzbekistan's security approach: a persistent emphasis on territorial integrity, prioritization of regime security, and a pragmatic neutrality that avoids firm alignment with any single great power. Against this backdrop, the Iran crisis is analyzed as a multidimensional external variable that simultaneously generates threats and opportunities for Tashkent. While international sanctions on Iran have disrupted Uzbekistan's access to southern trade and energy corridors, the geopolitical competition among great powers over Iran policy has paradoxically expanded Uzbekistan's diplomatic maneuverability. The study concludes that Uzbekistan's security model, while resilient, harbors structural vulnerabilities that could be severely tested by an escalation of the Iran crisis into open military conflict. The Uzbek case offers valuable insights into how medium-sized states navigate great power rivalries and regional instability in the post-Cold War Eurasian order.

Keywords: Uzbekistan, Iranian crisis, Central Asia, Regional security, Geopolitics.

1. ВВЕДЕНИЕ

В период после холодной войны среди государств Средней Азии, обретших независимость, Узбекистан сохранил за собой статус одного из наиболее важных игроков в регионе благодаря своему географическому положению, численности населения и историческому наследию. С населением около 36 миллионов человек и границами с пятью странами региона Узбекистан находится в центре как Средней Азии, так и в более широком смысле — в центре евразийской структуры безопасности. Это структурное положение привело страну к многосторонним угрозам и сложным внешнеполитическим выборам, а ее стратегия безопасности стала тесно увязана с региональными динамиками, выходящими за рамки исключительно национальных интересов.

Политические кризисы в Иране, ядерные конфликты и международные санкции глубоко затрагивают не только Ближний Восток, но и соседние регионы. В частности, усилившийся с 2000-х годов Иранский ядерный кризис создал почву для распространения волнений в области безопасности от юго-западного побережья Каспийского моря до северо-востока, вплоть до Узбекистана. В этом контексте энергетические пути, региональные системы союзов и возможные сценарии военной напряженности стали определяющими факторами во внешней политике Узбекистана.

В ходе исторического развития Узбекистан формировал свою политику безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Сообщества независимых государств (СНГ) и различных двусторонних соглашений. Однако принципы «неприемлемости внешнего вмешательства» и «безблоковости», которые страна явно отстаивает, время от времени подвергались испытаниям в условиях геополитического давления, вызванного Иранским кризисом, и правительство Ташкента было вынуждено обратиться к прагматичной политике баланса. Многомерный поиск баланса между Россией,

Китаем и Западом ставит Узбекистан в центр как глобальной конкуренции держав, так и процессов региональной дестабилизации.

Данная работа направлена на систематическое рассмотрение указанных динамик. Будут проанализированы основные компоненты региональной стратегии безопасности Узбекистана, а также прямые и косвенные последствия Иранского кризиса для этой стратегии. В работе сначала будут изложены исторические и структурные основы подхода Узбекистана к безопасности, а затем будет рассмотрено, какое давление на преобразования оказывает Иранский фактор в области энергетической безопасности, пограничной безопасности и дипломатического баланса. В заключительной части будут представлены оценки устойчивости текущей политики Узбекистана.

В работе используются концепции теории безопасности и геополитического баланса из литературы по международным отношениям; с помощью качественного анализа на основе официальных документов, академической литературы и первоисточников предлагается сравнительная перспектива. Пример Узбекистана считается уникальным случаем с точки зрения исследований по безопасности в Средней Азии, и ожидается, что данная работа внесет вклад в соответствующую литературу.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ УЗБЕКИСТАНА

2.1. Период после обретения независимости: доктрина безопасности Каримова (1991–2000)

Независимость, провозглашенная Узбекистаном 1 сентября 1991 года, привела не только к политическому разрыву, но и к необходимости построения с нуля новой парадигмы безопасности. Вакуум власти, образовавшийся после распада Советского Союза, подтолкнул руководство во главе с Исламом

Каримовым к принятию радикальных решений в сфере безопасности. Наиболее характерной чертой этого периода стало абсолютирование принципа суверенитета и глубокое недоверие к внешнему вмешательству.¹

Понимание безопасности в эпоху Каримова было построено на трех взаимосвязанных основных принципах: защита территориальной целостности, приоритет безопасности режима и занятие нейтральной позиции в региональном балансе сил. Эта тройная структура глубоко повлияла на внутреннюю и внешнюю политику Узбекистана, открыв путь для конкретных шагов, таких как увеличение расходов на оборону, усиление пограничной безопасности и укрепление национальной идентичности с помощью риторики безопасности.²

В этот период участие Узбекистана в структурах безопасности Сообщества независимых государств (СНГ) было крайне ограниченным. Каримов открыто выражал свое недовольство претензиями России на региональное лидерство и считал механизмы коллективной безопасности элементами, которые могут ущемить национальный суверенитет. В результате Узбекистан быстро отошел от активного участия в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданной в 1992 году.³

2.2. Преобразование восприятия угрозы: исламский радикализм и сближение с США (2000-2005)

Взрывы в Ташкенте в 1999 году и вооруженные действия Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в Ферганской долине коренным образом изменили восприятие угрозы в Ташкенте. Режим Каримова, осознав, что геополитическая уязвимость Ферганской котловины, сформированная племенными связями и

¹ Karimov, I. A. (1997), *Uzbekistan: On Its Path to Independence and Progress*, Uzbekistan Publishing House, Uzbekistan, pp. 47-63.

² Allison, R. (2004), *Uzbekistan: National Identity and Security Concerns*, *Central Asian Survey*, 23(2), pp. 135-156.

³ Olcott, M. B. (2005), *Central Asia's Second Chance*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington D.C., pp. 112-118.

бедностью, создает постоянную проблему безопасности, пошел по пути ужесточения внутренней политики безопасности.⁴

Теракты 11 сентября 2001 года и последовавшая за ними военная операция в Афганистане под руководством США стали решающим переломным моментом в стратегии безопасности Узбекистана. Каримов открыто продемонстрировал свой выбор союза, предоставив войскам США доступ к авиабазе Карши-Ханабад в Ханабаде. Этот шаг был не только проявлением военного сотрудничества, но и стратегическим расчетом, обусловленным соображениями безопасности режима: Каримов намеревался использовать западную поддержку в качестве средства борьбы с внутренней оппозицией и религиозными движениями.⁵

В тот же период интеграция Узбекистана в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) ускорила; в 2001 году организация превратилась в официальную организацию безопасности с полноправным членством Узбекистана. Разработанные в рамках ШОС региональные механизмы борьбы с терроризмом создали основу для установления Узбекистаном институциональных связей в области безопасности как с Россией, так и с Китаем. Этот процесс внес важный вклад в институционализацию концепции «многовекторной внешней политики» Ташкента, направленной на избежание зависимости от одной силы.⁶

2.3. Отдаление от Запада и стратегическое перепозиционирование (2005–2016)

Массовые беспорядки в Андижане в мае 2005 года и последующая операция по обеспечению безопасности привели к глубокому разрыву в отношениях между Узбекистаном и Западом. Требования ЕС и США о проведении независимого расследования были восприняты Каримовым как вмешательство во внутренние

⁴ Lubin, N. & Rubin, B. R. (1999), *Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia*, Century Foundation Press, New York, pp. 78-94.

⁵ McDermott, R. (2002), *Uzbekistan's Security Policy: The Birth of US Cooperation*, *Jane's Intelligence Review*, 14(3), pp. 22-27.

⁶ Weitz, R. (2006), *Shanghai Cooperation Organization and Central Asian Security*, *Orbis*, 50(3), pp. 519-534.

дела страны; Ташкент ответил на эти требования закрытием авиабазы Ханабад для Американских войск. В период после 2005 года Узбекистан пошел по пути перестройки сетей сотрудничества в области безопасности вокруг России и Китая. Возвращение в ОДКБ в 2006 году стало наиболее конкретным проявлением этой стратегической ориентации. Однако это возвращение было скорее результатом прагматичного поиска баланса в ответ на давление Запада, чем искренним принятием Ташкентом структур безопасности под руководством Москвы. В этот период Узбекистан сблизился с Россией и расширил двусторонний диалог с Китаем по вопросам безопасности, укрепив таким образом свою политику тонкого баланса между великими державами.

2.4. Период Мирзиёева: политика открытости и плюрализм в сфере безопасности (2016–настоящее время)

Шавкат Мирзиёев, вступивший в должность в сентябре 2016 года после смерти Ислама Каримова, привнес в политику безопасности Узбекистана радикальные изменения. Уделяя первоочередное внимание нормализации отношений с региональными соседями, Мирзиёев предпринял конкретные шаги по урегулированию пограничных споров с Кыргызстаном и Таджикистаном, которые длились много лет, а также возобновил экономическое и безопасное сотрудничество с Афганистаном. Этот процесс дипломатического открытия является предвестником коренного изменения парадигмы в традициях безопасности Узбекистана: закрытое понимание, «исключающее внешний мир», начало сменяться плюралистическим видением безопасности, «основанным на региональной интеграции».

Однако открытая риторика периода Мирзиёева продолжает формироваться в рамках четких границ. Узбекистан избегает возможного тесного сотрудничества с НАТО и выдвигает принцип суверенитета и территориальной целостности в качестве обязательного предварительного условия любого международного взаимодействия. В этом контексте страна предпочитает

оставаться на независимой позиции, тщательно соблюдая баланс сил, развивая многосторонние институциональные связи в области безопасности. Эта стратегия, которую можно охарактеризовать как плюрализм в области безопасности, основана на поддержании одновременных отношений с США, Россией и Китаем и предотвращении создания любой из этих держав постоянной базы на территории Узбекистана.⁷

Таким образом, при анализе исторической эволюции стратегии безопасности Узбекистана можно отметить четкую закономерность: чувствительность к вопросам суверенитета, стремление к прагматичному балансу в отношениях с внешними силами и строгая позиция в отношении факторов, угрожающих внутренней безопасности. Различные периоды этой эволюции явно отражают как реакцию на структурные давления, так и определяющее влияние предпочтений руководства на политику безопасности. Когда динамика дестабилизации, создаваемая Ираном на Ближнем Востоке, вступает во взаимодействие с этими основными тенденциями, упомянутое историческое наследие предоставляет мощную аналитическую основу и позволяет прогнозировать, какую позицию займет Узбекистан в связи с этими событиями.

3. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИРАНСКОГО КРИЗИСА

3.1. Ядерный кризис и изменения в региональном балансе сил

С начала 2000-х годов ядерная программа Ирана привела к далеко идущим геополитическим последствиям, выходящим далеко за пределы Ближнего Востока. Иран, расположенный на юго-западном побережье Каспийского моря, имеет структурную связь с Средней Азией как с точки зрения энергетических ресурсов, так и с точки зрения наземных и морских транспортных маршрутов.

⁷ Sultanova A.R. (2025), Uzbekistan's Multi-Vector Foreign Policy Under Shavkat Mirziyoyev, International Research Journal, 12(162), pp. 2-3.

Поэтому в каждый период обострения Иранского ядерного кризиса неустойчивость регионального баланса сил распространялась на обширную территорию от Каспийского бассейна до Ферганской долины.⁸

Режим санкций, введенный международным сообществом в отношении Ирана, оказал прямое влияние на государства Средней Азии через энергетические рынки и транспортные коридоры. Изоляция Ирана от международной системы привела к переоценке альтернативных маршрутов транспортировки энергоресурсов, что повысило геостратегическое значение таких стран, как Узбекистан, не имеющих выхода к морю. Действительно, укрепление нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан и появление на повестке дня проекта нефтепровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ) можно частично рассматривать как результат этой геополитической перестройки.⁹

Иран занял бескомпромиссную и жесткую позицию в продолжающихся спорных вопросах, касающихся статуса Каспийского моря. Тегеран отстаивал тезис о совместном управлении морем пятью прибрежными государствами вместо его разделения на равные секторы, однако эта позиция не нашла поддержки у Азербайджана, Туркменистана и Казахстана. Данный спор отражает не только конкуренцию в энергетической сфере, но и показывает, насколько структурные противоречия присутствуют в отношениях Ирана с региональной системой.¹⁰

3.2. Энергетическая безопасность и конкуренция маршрутов

Изоляция Ирана в результате международных санкций одновременно привела к ограничению и открыла возможности для экспорта энергоресурсов из Средней Азии. С географической точки зрения Иран предлагает самый короткий

⁸ Chubin, S. (2009), *Iran's Nuclear Ambitions*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington D.C., pp. 55-72.

⁹ Dukat, E. & Starr, S. F. (2011), *Great Power Competition in Central Asia*, *Central Asia-Caucasus Analyst*, 13(5), pp. 3-17.

¹⁰ Pant, H. V. (2012), *The Rise of Iran and its Regional Implications*, *Journal of Strategic Studies*, 35(4), 507-531.

и экономичный маршрут, связывающий Среднюю Азию с рынками Персидского залива. Однако режим санкций фактически сделал этот вариант неработоспособным, вынудив страны региона, в первую очередь Узбекистан, перейти на гораздо более дорогие и сложные с логистической точки зрения альтернативные коридоры.

Узбекистан в значительной степени осуществлял свою политику экспорта энергоресурсов через трубопроводные системы, контролируемые Россией, но при этом никогда не отказывался от поиска путей диверсификации, направленных на преодоление этой зависимости. В случае вступления Ирана в процесс нормализации отношений, ожидаемые варианты маршрутов означают для Узбекистана новую экономическую и геополитическую ситуацию. В связи с этим положение Тегерана в международной системе является критическим внешним фактором, определяющим среднесрочную и долгосрочную энергетическую стратегию Узбекистана.¹¹

3.3. Политика великих держав в отношении Ирана и пространство для маневра Узбекистана

Региональная геополитика Иранского кризиса формируется не только непосредственными действиями Тегерана, но и тем, как великие державы управляют этим кризисом. Россия использовала ядерную программу Ирана как дипломатический козырь против Запада и одновременно продолжала поддерживать экономические отношения с Тегераном. Китай же, ставя во главу угла свои интересы в области энергоснабжения и торговли, проводил осторожную политику баланса в переговорных процессах. США и ЕС же настаивали на политике давления, основанной на санкциях. Эта многоуровневая конкуренция великих держав как расширила, так и усложнила пространство для маневра Узбекистана.

¹¹ Akbarzadeh, S. (2005), *Uzbekistan and the United States: Shared Interests or Perceptions of Threat?*, University of New South Wales Press, Australia, pp. 88-104.

Оказавшись под международным давлением в связи с Иранским кризисом, Узбекистан проводил политику систематической нейтральности. Ташкент признал решения Совета Безопасности ООН о введении санкций против Ирана, но тщательно избегал выносить этот вопрос на первое место в двусторонней дипломатической повестке дня. Такая позиция соответствует необходимости Узбекистана как отвечать на требования Запада, так и сохранять имидж независимости, учитывая интересы России и Китая.¹² Отношения России с Ираном являются для Узбекистана отдельным элементом стратегического расчета. Прагматичная близость Москвы к Тегерану порой ставит Узбекистан в затруднительное положение в вопросе участия в пророссийских структурах безопасности в Средней Азии. С другой стороны, всеобъемлющее экономическое сотрудничество Китая с Ираном создает дополнительный уровень сложности в отношениях между Пекином и Ташкентом в рамках ШОС. Все эти динамики делают Иранский кризис центральным геополитическим фактором, определяющим параметры безопасности не только Ближнего Востока, но и Средней Азии.¹³ В результате Иранский кризис выступает многомерным фактором внешнего давления на Узбекистан в сфере безопасности. Неопределенность в отношении энергетических маршрутов, конкурирующие между собой политики великих держав в отношении Ирана и риск региональной нестабильности побуждают Ташкент пересмотреть существующие союзнические отношения и сделать свое понимание безопасности более гибким. Отражение этой ситуации на конкретных политических реакциях Узбекистана будет подробно рассмотрено в следующем разделе.¹⁴

4. ОТРАЖЕНИЕ ИРАНСКОГО КРИЗИСА НА УЗБЕКИСТАНЕ

4.1. Экономические и торговые последствия

¹² Lemon, E. (2019), *Securitization and Governance in Uzbekistan*, 27(1), pp. 31-56.

¹³ Rashid, A. (2008), *The Fall of the Taliban: Militancy, Oil, and Fundamentalism in Central Asia*, I.B. Tauris, London, pp. 201-219.

¹⁴ Katz, M. N. (2010), *Russia and Iran: An Assessment of an Emerging Alliance*, *Middle East Policy*, 17(2), pp. 62-71.

Международные санкции, введенные против Ирана, оказали прямое влияние на внешнеторговый баланс Узбекистана и его предпочтения в выборе маршрутов. Фактическое исключение Ирана из региональной торговой сети затруднило доступ Узбекистана к рынкам Южной Азии и Персидского залива; рост логистических затрат негативно повлиял на конкурентоспособность страны. В частности, вывод из обращения транзитного маршрута через Иран для экспорта текстиля, сельскохозяйственной продукции и машин вынудил Узбекистан использовать гораздо более дорогие и трудоемкие альтернативные коридоры.

С другой стороны, культурные и исторические связи между Ираном и Узбекистаном — глубокие следы персидского языка в Самарканде и Бухаре, а также наследие шиитско-суннитской мозаики в регионе — создали структурный барьер для полного разрыва торговых отношений. Даже в период санкций две страны продолжали поддерживать торговые контакты, пусть и в ограниченном объеме. Эта ситуация демонстрирует глубокое противоречие между официальной дипломатической риторикой Узбекистана и экономическим прагматизмом, проявляемым на практике.¹⁵

4.2. Дипломатический баланс и стратегическая нейтральность

В самые напряженные моменты Иранского кризиса Узбекистан проводил тщательно рассчитанную политику нейтралитета, чтобы не оказаться зажатым между США и блоком России и Китая. Ташкент не присоединился открыто к противоиранской коалиции Вашингтона и не вступил в явное сближение с Тегераном. Такая позиция отражает один из основополагающих принципов внешней политики Узбекистана: оставаться в стороне от противостояния великих держав и сохранять открытость своих предпочтений.¹⁶

¹⁵ Dadabaev, T. (2014), *Identity and Memory in Central Asia*, Routledge, London, pp. 134-151.

¹⁶ Cooley, A. (2012), *The Big Games, Local Rules: New Great Power Rivalry in Central Asia*, Oxford University Press, Oxford, pp. 98-115.

В период правления Мирзиёева эта политика баланса была поставлена на более функциональную основу. Узбекистан продолжает углублять экономические отношения с США и ЕС, одновременно поддерживая косвенный канал диалога с Ираном через Афганистан. Это двустороннее взаимодействие ясно показывает, что Ташкент предпочитает гибкую стратегию позиционирования, а не окончательный переход на сторону одной из сторон в Иранском вопросе.¹⁷

4.3. Восприятие безопасности и отражение на внутренней политике

Еще одним важным аспектом влияния Иранского кризиса на Узбекистан является его воздействие на внутреннюю политику в области безопасности. Сценарий возможного военного конфликта между Ираном и США может усугубить нестабильность в Афганистане, усилить поток беженцев в Узбекистан и трансграничные угрозы, такие как наркотрафик. В ответ на эти сценарии правительство Ташкента увеличило инвестиции в безопасность границ и усилило координацию в рамках региональных механизмов безопасности.¹⁸

Кроме того, религиозно-политические события в Иране косвенно влияют на риторику Узбекистана в отношении собственных исламистских движений. Напряженность между усилиями Тегерана по расширению шиитского влияния в регионе и преимущественно суннитским характером демографической структуры Узбекистана служит аргументом, легитимирующим политику контроля, проводимую Ташкентом в религиозной сфере. В этом контексте Иранский кризис также приобретает значение внешнего ориентира, питающего и направляющего риторику Узбекистана в области внутренней безопасности.¹⁹

¹⁷ Saidov, A. (2018), *New Opportunities in Uzbekistan's Foreign Policy: The Mirziyoyev Era*, Fan Publishing House, Tashkent, pp. 67-82.

¹⁸ Starr, S. F. & Cornell, S. E. (2014), *Central Asia's Great Power Energy Policy*, Central Asia-Caucasus Institute, Washington D.C., pp. 45-59.

¹⁹ Heathershaw, J. & Montgomery, D. W. (2014), *Islam and Securitization in Central Asia*, *Jurnal Ethnicities*, 14(2), pp. 296-320.

В целом можно сказать, что последствия Иранского кризиса для Узбекистана не привели к тому, что страна полностью перешла на сторону одной из сторон или что повестка дня в области безопасности была кардинально изменена. Напротив, они проявились в виде давления, которое проверило существующую политическую структуру и вынудило принять гибкие меры адаптации. Будущее развитие этой динамики будет по-прежнему зависеть как от формы отношений Ирана с международной системой, так и от пределов способности Узбекистана справляться с конкуренцией великих держав.

5. ОЦЕНКА И ВЫВОДЫ

В данной работе рассмотрена региональная стратегия безопасности Узбекистана в контексте ее исторической эволюции и внешнего давления, созданного Иранским кризисом. В период с момента обретения независимости до наших дней подход Узбекистана к безопасности формировался на основе четкой линии преемственности: приоритет суверенитета, политика тонкого баланса между великими державами и структурное сопротивление попыткам внешнего вмешательства. Переход от закрытой оборонной модели, построенной Каримовым, к стратегии плюралистического открытия Мирзиёева не устранил эту преемственность, а лишь переформировал ее.

При оценке последствий Иранского кризиса для Узбекистана становится ясно, что кризис одновременно несет в себе как угрозы, так и возможности. В плане угроз на первый план выходят региональная нестабильность, вызванная Ираном, неопределенность в отношении энергетических маршрутов и потенциал распространения религиозного радикализма. В плане возможностей противоречивые политики великих держав в отношении Ирана расширяют пространство для маневра Узбекистана и выводят Ташкент в положение ценного геополитического партнера. Узбекистан сумел справиться с этой двойственной ситуацией, сохранив открытость своих предпочтений и избегая принятия обязательств по присоединению к какому-либо блоку.

С аналитической точки зрения, такая позиция Узбекистана является не только краткосрочным прагматизмом, но и результатом долгосрочных геополитических расчетов. Ташкент, разнообразя варианты обеспечения безопасности и распределяя экономические отношения между разными полюсами, снижает свою зависимость от одной силы, тем самым защищая как свою внутреннюю легитимность, так и внешнюю мобильность. Эта стратегия совпадает с исторической практикой государств Средней Азии, которые Бжезинский в своей метафоре «большой шахматной доски» назвал ключевыми фигурами.

Вместе с тем не следует упускать из виду, что нынешняя модель безопасности Узбекистана имеет серьезные слабые места. Прежде всего, проводимая многовекторная политика баланса основана на хрупком равновесии, которое становится все труднее поддерживать в случае обострения напряженности между великими державами. В случае прямого перехода Иранского кризиса в военный конфликт или приобретения региональной нестабильностью нового измерения, стратегическая неопределенность, которую Узбекистан до сих пор успешно сохранял, может оказаться под серьезным давлением. Более того, энергетическая зависимость и структурные недостатки в области экономической диверсификации создают условия, которые еще больше усугубят политические издержки возможных кризисов.

В результате пример Узбекистана представляет собой чрезвычайно поучительный случай, позволяющий понять, как малые и средние государства выживают в условиях конкуренции великих держав и динамики региональных кризисов. В данной работе утверждается, что этот пример вносит уникальный вклад в исследования по вопросам безопасности в Средней Азии и указывает на перспективную область исследований, которая в будущем может быть углублена с помощью более обширных эмпирических анализов. Новый период, который определит положение Ирана в международной системе, еще раз проверит

границы и гибкость стратегии безопасности Узбекистана; в этом контексте очень важно продолжать внимательно следить за региональными событиями.

ЛИТЕРАТУРА

Akbarzadeh, S. (2005), *Uzbekistan and the United States: Shared Interests or Perceptions of Threat?*, University of New South Wales Press, Australia.

Allison, R. (2004), *Uzbekistan: National Identity and Security Concerns*, *Central Asian Survey*, 23(2), pp. 135-156.

Chubin, S. (2009), *Iran's Nuclear Ambitions*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington D.C.

Cooley, A. (2012), *The Big Games, Local Rules: New Great Power Rivalry in Central Asia*, Oxford University Press, Oxford.

Dadabaev, T. (2014), *Identity and Memory in Central Asia*, Routledge, London.

Dukal, E. & Starr, S. F. (2011), *Great Power Competition in Central Asia*, *Central Asia-Caucasus Analyst*, 13(5), pp. 3-17.

Heathershaw, J. & Montgomery, D. W. (2014), *Islam and Securitization in Central Asia*, *Jurnal Ethnicities*, 14(2), pp. 296-320.

Karimov, I. A. (1997), *Uzbekistan: On Its Path to Independence and Progress*, Uzbekistan Publishing House, Tashkent.

Katz, M. N. (2010), *Russia and Iran: An Assessment of an Emerging Alliance*, *Middle East Policy*, 17(2), pp. 62-71.

Lemon, E. (2019), *Securitization and Governance in Uzbekistan*, 27(1), pp. 31-56.

Lubin, N. & Rubin, B. R. (1999), *Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia*, Century Foundation Press, New York.

McDermott, R. (2002), *Uzbekistan's Security Policy: The Birth of US Cooperation*, *Jane's Intelligence Review*, 14(3), pp. 22-27.

Olcott, M. B. (2005), *Central Asia's Second Chance*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington D.C.

Pant, H. V. (2012), The Rise of Iran and its Regional Implications, Journal of Strategic Studies, 35(4), 507-531.

Rashid, A. (2008), The Fall of the Taliban: Militancy, Oil, and Fundamentalism in Central Asia, I.B. Tauris, London.

Saidov, A. (2018), New Opportunities in Uzbekistan's Foreign Policy: The Mirziyoyev Era, Fan Publishing House, Tashkent.

Starr, S. F. & Cornell, S. E. (2014), Central Asia's Great Power Energy Policy, Central Asia-Caucasus Institute, Washington D.C.

Sultanova A.R. (2025), Uzbekistan's Multi-Vector Foreign Policy Under Shavkat Mirziyoyev, International Research Journal, 12(162), pp. 2-3.

Weitz, R. (2006), Shanghai Cooperation Organization and Central Asian Security, Orbis, 50(3), pp. 519-534.